

Иннокентий Соколов

Исцеление любовью

Идите за мной. Не говорите, что не знаете, куда я вас позову. Не говорите, что не слышали дождя в моем голосе. Не оборачивайтесь на полпути, в напрасной надежде увидеть путь, по которому пришли. В серой пустыне надежд, в сером шуме дождя, тропинка обрывается прямо за каблуками ваших истоптанных сапог. Сжимайте крепче свой дорожный мешок. Пусть хлам, который вы несете с собой, станет той нитью, что свяжет начало пути, и его окончание. Ненужные вещи, в которых прошлое, настоящее и будущее помогут обрести равновесие, ибо путь наш будет долг, бесконечно долг...

Мы пройдем путь, от начала до конца. Не останавливаясь ни на минуту, поскольку время не имеет для вас смысл на этой дороге, как не имеет значения цель пути. Важен сам путь. Вперед. По дороге безумия. Мимо радужных грез, мимо белых берез и вековых сосен. В темный лес, где во тьме светятся алыми огоньками чьи-то взгляды. Где оживают странные образы, которые хранились в памяти, ожидая своего часа.

Может быть, цель нашего пути лежит где-то за горизонтом, за далекими землями, где старые болота и унылые пустоши, за границей бесплодных земель. Кто знает...

Это наш путь – и мы пройдем его. Путь по дороге безумия. До конца.

Попрыгунчик, милый крошка
Ягоды клади в лукошко
Чаззет, чиззет, чеззет,
Все в лукошко влезет
С. King «Темная башня»

1.

- Знаете, Анна, вы делаете потрясающие успехи – доктор Марфин сложил пальцы рук в замок и уставился на нее тяжелым взглядом – просто потрясающие...

Анна сидела, безучастно слушая, как монотонный осенний дождь выбивает нудный ритм на грязных окнах в кабинете профессора. Вечер сковал разум тоскливой пустотой ожидания. Пространство кабинета наполнилось сумраком, который тщетно пытались разрезать пыльные люстры на потолке.

Доктор восседал за столом, возвышаясь над ней, словно жрец, готовящийся принести жертву неведомым богам. Бездонные глаза буравили пациентку.

(Ну же, давай, скажи, чтонибудь против...)

Анна замерла. Она знала, на что способен Марфин, если его хорошенько разозлить. Кому, как ни ей, были известны способы утихомирить разбушевавшегося (не больного, нет - ты хотела сказать психа, ну из тех, у которых тараканы в голове, которые не дружат с собственными мыслями, выпуская их из под контроля, на свободу...) пациента, не прибегая к грубому физическому воздействию. Нет, доктор действовал намного деликатнее. Уж он-то знал, как успокоить Анну, будьте уверены.

За шесть месяцев, проведенные в лечебнице, Анна на своей шкуре испытала, все прелести психиатрии. По правде, говоря, ей было достаточно. Где-то в глубине души она верила, что когданибудь, пусть не сегодня и не завтра, и даже не через месяц, но все-таки когданибудь, она вырвется из этого кошмара. В мир, где люди живут, наслаждаясь свободой, где нет смиренных рубашек (смирительная рубашка может стать средством воспитания, уж поверьте – главное правильно затянуть ремешки, потуже...), где нет уколов, от которых горит тело и хочется ногтями разодрать кожу, содрать ее, чтобы добраться до нестерпимого зуда, но вместо этого ты лежишь на полу и тихонько подвываешь, пытаешься остаться собой, пытаешься сохранить остатки того, что когда-то было твоей душой, остатки личности, ее следы, ее тень...

Анна верила в это, прекрасно понимая, что никогда не покинет стены лечебницы, поскольку доктор никогда не отпустит ее. Временами ей начинало казаться, что Марфин находит смысл жизни в том, чтобы разбивать ее разум на мелкие части, чтобы потом, сопя от удовольствия, собирать из мутных, кривых осколков, новое отражение, новую Анну. Вот только, почему-то меньше всего, ей хотелось стать такой, какой желал бы видеть ее доктор Марфин.

Она не знала, что двигало доктором – возможно интерес, с которым тринадцатилетний подросток, с покрытым угрями лицом, втайне мечтающий засадить той девчонке, что живет напротив, но вместо этого спускающий пары в туалете, на красоток из отцовского журнала, насаживает бабочек на иглу, чтобы с воистину фрейдистским удовольствием наблюдать, как трепещет насекомое, проворачиваясь вокруг стального жала, которое пригвоздило его к дыбе. Возможно суперго Марфина, не допускало мысли, о возможной неудаче в лечении столь перспективной больной, заставляя доктора, прибегать к новым способам навести порядок в ее мозгах. Иногда, Анна склонялась к мысли, что это могло быть каким-нибудь дьявольским хобби профессора людских душ. Правда такая мысль посещала ее редко – она-то знала, кто был настоящим коллекционером человеческих страданий – еще один специалист по восстановлению хрупкого равновесия в изнеможенных полушариях большого мозга, знаток своего дела. Добрый доктор, посещающий ее сны. Доктор по имени (смерть и ужас) Бо. Этакий эквивалент чистого зла, выделенный в блеклую тень, которая ложилась на ее жизнь, отравляя земные радости. Доктор Бо – мерзкая тварь (но-но, полегче красавица, не так сильно, нам еще предстоит много радости вместе...), живущая в ее подсознании, питающаяся не страхом, (страх это просто эмоции, трепетное существование организма, регулируемое гормонами), нет, – той тонкой материей, что лежит в основе страха, частичкой ее души...

Когда-то в детстве Анне довелось увидеть фильм, в котором главный герой, такой же неутомимый проказник, посещал детские сны, забирая жизнь. Умрешь во сне – умрешь наяву. Красно-черный, полосатый свитер, отвратительная обожженная маска вместо лица – настоящий кошмар. Существо питалось страданиями детей, жило за границей дня и ночи, в темной половине. Когда зажегся свет, и зрители потянулись к выходу, она сидела, тупо рассматривая надпись на спинке кресла, впереди («Чеззет» – вот, что там было написано, и не спрашивайте меня, что это означает). Для кого-то фильм стал очередной страшилкой, под которую можно есть попкорн, или тискать полную увесистую грудь подружки, с полной уверенностью, что в темноте кинозала, никто не обратит внимание на твою подростковую похоть. Кто-то просто провел время, находясь в сладостной полудреме, равнодушно созерцая происходящее на белой простыне, обращая внимание лишь на особо кровавые спецэффекты. Для них два часа проведенные в темноте оказались лишь блеклым эпизодом, который найдет свое место на задворках памяти, но не для Анны, нет. Совсем нет.

Для нее фильм стал откровением. Вот только существо, которое жило в ее снах, было куда страшнее киношного злодея. Если умрешь во сне, то умрешь и наяву – этот принцип не срабатывал с ее проклятием. Умрешь во сне, чтобы проснуться, и зная, что следующая ночь, подарит новую порцию наслаждений – вот смысл существования, на коротком промежутке между тупым осязанием дня, и трепетным ожиданием ночи. Ночь, покой и тишина, в которой творит, священнодействует король полуночи, по имени Бо.

Доктор воскресал ниоткуда, чтобы творить зло. Бессмысленное, с маленькой буквы, зло. Правда, сам доктор так не считал.

(Я вырежу твои глазки, я отрежу твои соски, я вылечу тебя...)

Бо – невысокий, сутулый доктор из сказки, с одной стороны, и длинный как жердь, похожий на вурдалака Марфин, с другой, вот два лекаря, которые старались всего лишь, навести порядок в ее мозгах, привести ее в чувство, желая (и это правда, Анна) ей только добра. Доктор Марфин днем, и доктор Бо ночью.

В последнее время Анна даже стала подумывать о том, что Бо начал сдавать – методы Марфина были куда радикальнее, да и дни были долгими, очень долгими.

(Маленький докторишка, в грязном халатике в испуге машет скальпелем, изрыгая проклятия...)

Чезет, чезет, чезет – режет, режет, режет...

(И не забывай Анна, про небольшой аттракцион в подвале лечебницы...)

В этот раз Марфин вызвал ее, чтобы дать ей надежду, словно бросить кость собаке на цепи, бросить так, чтобы бедное животное скулило и тянулось к ней, не доставая самую малость.

- Если все будет продолжаться в том же духе, я думаю через полгода, максимум год, можно будет рассматривать вопрос о вашем выздоровлении.

(Так я тебе и поверила... Ты же, сраный выродок, ни за что не расстанешься со мной. Кто, как ни я, идеально подходит на роль подопытной крысы, на которой можно ставить свои гребаные эксперименты...)

- Спасибо доктор – Анна подняла голову, исподлобья осматривая своего лечащего врача. Марфин раскрыл лежащую перед ним на столе широкую медицинскую тетрадь.

- Однако вы понимаете, ваше окончательное выздоровление, повторяю окончательное (последнее слово доктор произнес по слогам, словно акцентируя внимание на возможности выбраться из этого дома ужаса), будет зависеть только от вас. Желание выздороветь, должно исходить от вас, моя дорогая.

Анна опустила взгляд. Звук дождя сбивал с толку, приглашал расслабиться, забыть о проблемах, окунуться в тихую теплую мать...

(Ну уж нет, только не это...)

- Я конечно готов оказать всяческое содействие. Милочка, вы можете рассчитывать на мою помощь. Думаю, мы справимся со всеми вашими проблемами. Должны справиться, черт подери!

Анна вздрогнула, услышав тихий скрип. Доктор Бо, смотрел на нее, машинально царапая кончиком скальпеля, прямоугольный кусок стекла, заменяющий столешницу.

- И поверьте, я сделаю все возможное и невозможное, чтобы навести порядок в вашей очаровательной головке.

В подтверждение своих слов, доктор Бо привстал, сжимая в руке старый, с пятнами ржавчины (так хорошо ей знакомый) скальпель. Она пыталась кричать, но судороги сжали грудь, рождая истерический визг.

- Ну, ну – укоризненно покачал головой Бо, - мы же договорились, что желание исцелиться, должно исходить исключительно от пациента.

(Я вылечу твою очаровательную головку детка, правда мне придется заглянуть в нее, не так ли? Как же еще можно точно и быстро поставить правильный диагноз?)

Анна попыталась оттолкнуться от стола, но с ужасом почувствовала, что не может пошевелить ни руками, ни ногами. Страх сковал тело, заставляя сжиматься внутренности. Дикий, первозданный страх - рудимент, оставшийся от далеких предков. Мир сжался до размеров горошины, до маленького отблеска хромированной поверхности скальпеля.

(Страх и смерть)

Серый осенний вечер, несущий забвение.

(Страх и осень)

Холодный дождь, оставляющий на окне серые полосы.

(Страх и ужас...)

Доктор наклонился над ней, всматриваясь в лицо, впитывая, всасывая ее страх. Аккуратно стриженная борода. Сутулая фигура. Добрые глаза. Белый халат, пенсне и скальпель – костюм-тройка всякого уважающего себя доктора. Бурые пятна порттили белизну халата (хотелось бы верить, что эти пятна, следы от пролитого кетчупа или малинового джема, но мы ведь знаем, мы-то знаем, что это за пятна, правда, детка?)

Анна почувствовала, что еще немного, и ее слабый разум откажется воспринимать окружающий мир. Реальность сдвинулась, пытаясь просочиться через сито угасающего сознания, чтобы стечь на дно глубокого колодца, и остаться там грязными лужами, отражающими остатки несчастной души. Забытой. Раздавленной.

(Чаззет, чиззет, чеззет...)

Крик родился слишком поздно. Поздно!

Первый разрез пришелся чуть ниже подбородка. Острое лезвие легко разрезало больничную пижаму. Сверху вниз. Полы пижамы разошлись, выпуская наружу упругие груди. Доктор удовлетворенно хмыкнул и взмахнул рукой. Багровая линия прошла от шеи, соединяя кровавым ручейком пупок и ложбинку между грудями.

- И мы вылечим тебя!

Доктор пританцовывал на месте, срывая с нее остатки одежды. Пропитавшиеся кровью лохмотья были отброшены прочь.

- Все для тебя, моя родная...

Еще разрез. Кровь хлынула густыми потоками, стекая по дрожащему комку плоти.

(Освобождение, осознание смерти)

- Окончательное выздоровление...

Крик перешел в хрип. Анна открыла глаза, и увидела профессора Марфина, который что-то записывал в тетрадь.

- ... будет зависеть только от вашего желания пойти навстречу. И думаю, дальнейшее лечение благотворно скажется на вашем состоянии...

Доктор удивленно приподнял брови.

- Что-то не так? Вам плохо?

(Вам требуется лечение, не так ли?)

- Я... не... - Анна шевельнулась, сбрасывая оковы полудремы. Слезы стоявшие в глазах мешали рассмотреть Марфина.

Нелепая фигура доктора размылась, стекая солеными каплями по щекам.

- Все в порядке, доктор – выдохнула она, приходя в себя – просто немного болит голова...

(Просто сон просочился в явь, накрывая с головой, впуская доктора...)

Марфин испытующе посмотрел на пациентку, и кивнул санитару, который все это время молча стоял сзади.

- Уведите больную...

2.

Коридор растянулся на столетия, скрываясь где-то вдали, обрываясь в темноте. Чуковский шел по коридору, от скуки нависшая модный мотивчик, который прилепился к мыслям, отвлекая от работы.

(Хей-хо, хей-хо, а парень этот - я... Хей-хо, хей-хо, а парень этот...)

Чуковский любил свою работу. Особенно, когда выдавалась ночная смена. Днем, все было не так – крики, стоны. Да и отношения с Марфином оставляли желать лучшего. Под пристальным взглядом доктора, Чуковский чувствовал себя неуютно. Казалось, блеклые глаза Марфина запускали тонкие, невесомые шупальца, в череп санитару, чтобы извлечь оттуда все самое нужное, сокровенное. Иногда, Чуковский подумывал, что доктору известно все о его ночных шалостях.

(Уж будь, уверен, малыш, будь, уверен – Марфин знает все... Или почти все...)

Меньше всего на свете Чуковский желал, попасться в руки доктора. Кто, как ни Чуковский, знал, что твориться за огромными, резными дверями палат. Но и перестать делать то, что он делал, Чуковский не мог. Это было выше его сил.

Но зато он любил свою работу. Чуковский остановился, поглаживая висящую на боку дубинку. Марфин мог быть спокоен, пока Чуковский на своем месте, никто не нарушит заведенный порядок.

Огромный, плечистый санитар, вызывал ужас у пациентов. Природа наградила Чуковский огромными бицепсами, взамен мозгов. Ай-кью Чуковский с трудом достигал девяносто. Но санитар меньше всего расстраивался из-за своих умственных способностей. Пока у него была дубинка, Чуковский называл ее палочка - выбивалочка, никто, (никто – слышите?) – не мог нарушить порядок!

Для Чуковский порядок ассоциировался с чем-то огромным, фундаментальным, но вместе с тем хрупким и неустойчивым. Подобное несоответствие немного раздражало санитар, но, поразмыслив на досуге, Чуковский решил не обращать внимание на досадный диссонанс, тем более, что в последнее время значительно прибавилось работы, да и Марфин весь какой-то не свой – ходит, словно призрак, наводя тоску своим тусклым взглядом.

С виду добродушный, иногда с тонкой ниточкой слюны на подбородке, Чуковский вызывал недоумение, у случайных посетителей лечебницы, но в случае происшествия санитар преображался. Лицо багровело, тяжелый подбородок отвисал, глаза Чуковский выпячивались, и горе тому больному, кто смел, вызвать гнев санитар.

(Хей-хо!)

Чуковский хмыкнул, и оставил дубинку в покое. У дубинки было еще одно предназначение, о котором (Чуковский очень надеялся на это!) не догадывался Марфин (соответственно второе название дубинки было палочка – втыкалочка). И, собственно, сегодня ночью, Чуковский собирался использовать дубинку во втором качестве, как делал это каждое ночное дежурство.

Безобразная улыбка растянула губы идиота. Чуковский улыбался, в радостном предвкушении.

Ночь накрыла стены старого здания. Странная дрема укутала мягким одеялом, словно пытаясь скрыть что-то от Чуковский. Непривычная тишина опустилась на лечебницу, заполнив коридоры мистическим ожиданием чуда.

(Или смерти – кому как повезет, старик)

Где-то внизу, на первом этаже напарник Чуковский – еврей Горман, так же двигался вдоль коридора, сосредоточенно поглядывая в глаза, вделанные в двери палат. Чуковский не любил Гормана. Если на то пошло, Чуковский сам с удовольствием выполнял бы ту работу, которую приходилось делить с настырным евреем.

Настырный! – вот именно то слово, которым можно было охарактеризовать Гормана. Чуковский кивнул головой.

Настырный сукин сын!

Ладно, – к черту Гормана! У Чуковский сегодня ночью много работы! Особой работы.

Чуковский кивнул – да! Особой работы! И эту работу, уж поверьте, он сделает так же хорошо, как и основную работу. Так же хорошо, а может быть даже и лучше.

(Особая работа – особый подход...)

Санитар ускорила шаг, приближаясь к заветной двери.

Меньше всего его беспокоило то, что кто-нибудь застанет его за особой работой.

Горман, Чуковский знал это наверняка, после обхода своего этажа, направится в свою комнатку, где будет смотреть «Тутси-фрутси», по маленькому, черно-белому телевизору, кончая при этом в штаны (маленький, еврейский ублюдок!).

Кроме них в лечебнице оставались дежурная сестра, которая заперлась в манипуляционном кабинете, чтобы онанировать шприцом (уж поверьте Чуковский – он на этом собаку съел), и, конечно же, Марфин, который частенько ночевал в своем кабинете, (жена дока сбежала с заезжим метателем ножей – вот потеха-то!), непонятно чем, занимаясь наедине с собой (у Чуковский, конечно же, были кое-какие идеи на этот счет, но он предпочитал держать их при себе). Итого четыре человека – полная свобода действий. Именно из-за этой свободы Чуковский и любил ночные смены. Свобода и кое-что еще. Самое главное – соблюдать осторожность, не вызывая лишнего шума. Но сегодня Чуковский бояться было нечего. Все должно получиться как нельзя лучше.

Чуковский шел по коридору, погружаясь во тьму. В конце коридора, заканчивающегося небольшим, зарешеченным окном находились две двери. За той, что слева, скрывалась вторая лестница, ведущая на первый этаж, и дальше, в подвал (которой, впрочем, никто никогда не пользовался). Дверь справа скрывала за собой истинную цель санитар. Именно к ней сейчас спешил Чуковский, насвистывая от нетерпения.

При этом Чуковский не забывал о том, почему он находится здесь – о работе. Цепкий глаз санитар выхватывал каждую мелочь. Все двери были надежно заперты (Чуковский лично убедился в этом), все лампочки в пыльных стеклянных шарах на потолке, заменяющих люстры, светились тусклым, дежурным светом. Все за исключением последней, висящей в конце коридора, куда так спешил санитар. Еще перед началом смены Чуковский заблаговременно выкрутил лампочку, и спрятал ее в комнатку Гормана, чтобы потом, после смены (выполнив особую работу!), вкрутить назад. Лишний свет был ни к чему.

Двери плавно проплывали мимо, оставаясь позади, старый потрескавшийся линолеум, глушил звуки шагов. Все шло, как обычно. Чуковский спешил навстречу судьбе...

(Что-то будет, парень, что-то будет... Чеззет...)

Остановившись перед дверью, Чуковский от волнения облизал потрескавшиеся губы. Пора! Воровато оглянувшись, санитар достал связку ключей, висящую на поясе, рядом с палочкой–выбивалочкой.

Нужный ключ Чуковский давно уже пометил надфилем, оставив несколько поперечных царапин на потемневшем от времени металле.

(Клок – кнок – скрииииикк...)

Замок скрипнул, открываясь. Чуковский тихонько толкнул дверь.

Палата, обитая мягким войлоком. В полумраке белел матрац, на котором лежала пациентка доктора Марфина (теперь пациентка доктора Чуковский – санитар скривил губы в плотоядной улыбке).

Оставив дверь слегка приоткрытой, чтобы комната не погрузилась во тьму, Чуковский осторожно, стараясь не шуметь, приблизился к Анне. Санитар не боялся, что пациентка проснется, – Марфину не понравилось ее поведение, (она была плохой девочкой), и Анне сделали укол («сульфазин» – или что-то наподобие), - Чуковский не знал точно, как называется дрянь, которой накололи непослушную дурочку, да это его особо и не интересовало. Главное, что укол сделал свое дело, - ее можно было толкать, переворачивать, даже бить, не говоря уже про то, ради чего Чуковский прокрался сюда, в полутемную палату, - Анна не чувствовала ничего, находясь где-то далеко отсюда, в своей вселенной.

То, что надо! Самое время для работы, настоящей работы. Особой работы!

(Ну давай парень, этой сучке не терпится! Она вся мокрая внутри, ждет, когда ты вставишь ей свой «Усмиритель»)

Чуковский задрожал от нетерпения. Трясущими руками он принялся осторожно распутывать ремешки смирильной рубашки, в которую предусмотрительный Марфин приказал закутать Анну.

Нет, так не пойдет.

Чуковский заставил себя успокоиться, и сосчитал до десяти.

(Раз – вырви глаз... Два – черная голова... Три – жертва замри...)

Дело пошло быстрее. Санитар осторожно освобождал жертву, словно ученый, разрезающий кокон, чтобы добраться до прекрасной бабочки, которая займет достойное место в коллекции мертвых или не рожденных насекомых.

Голая грудь выпрыгнула прямо на ладонь санитара. Чуковски заворожено уставился на коричневый сосок.

(Посмотри, как он торчит – потерпи еще немного детка. Старик Чуковски покажет, что к чему...)

Раздев Анну, Чуковски опустил неподвижное, словно неживое, тело на матрац, сам пристроился рядом, поглаживая груди пациентки.

(Пускай еврей пускает слюни перед телевизором, Чуковски покажет этой сучке, кто из них настоящий мужик)

Сначала Чуковски лизнул сосок, потом другой. Анна застонала, аппетитное тело выгнулось в сладостной полудреме. Санитар вздрогнул, и приоткрыл веко жертвы. Зрачок закатился вверх, словно Анна пыталась рассмотреть содержимое своего черепа. Все в порядке.

Ну что же, так даже лучше. Согласитесь - заняться любовью с чувствующим, пусть и безмозглым существом куда приятнее, чем с неподвижным манекеном.

Чуковски провел языком по пухлым губам Анны. Черт, эта девка заводила его, как никогда. Возможно, всему виной было слабое действие дряни, циркулирующей в крови Анны, а может быть Чуковски просто изголодался по настоящей работе, не важно! Главное, были правильно выбраны время и место. И Чуковски не собирался терять первое и жертвовать вторым, тупо созерцая прекрасное женское тело, которое похотливо изгибалось перед ним, приглашая слиться в едином страстном порыве. Ей богу не собирался!

Санитар расстегнул пояс, и начал торопливо стаскивать брюки, стараясь не звенеть ключами. Эта сучка завела его! Пожалуй, сегодня даже не понадобится палочка-втыкалочка. Эта ночь будет полностью его. Чуковски выругался, путаясь в непослушной одежде.

(Скорее...)

Отбросив брюки и ставив трусы, санитар лег сверху, вгоня окаменевший член в незащитное тело.

(Тебе понравится, я обещаю...)

Чуковски прильнул к губам Анны, пытаясь засунуть язык в ее стиснутый рот.

На секунду ему показалось, что сумасшедшая слегка шевельнулась под ним.

(Ты кончаешь сучка?)

Сейчас, еще немного, еще...

Чуковски застонал, чувствуя приближение оргазма. Он судорожно вцепился в плечи Анны, что есть силы, вгоняя член в податливое влагиалище.

(Ну как, сучка, тебе нравится? Я знаю, точно нравится...)

Санитар навалился на Анну, разрываясь от наслаждения. Член, казалось, взорвался, заливая спермой внутренности жертвы. Чуковски открыл глаза, чувствуя, что теряет сознание, (Анна выжала из него все соки, но он немножко отдохнет, и покажет ей, что такое настоящий трах, уж будьте, уверены, покажет...), и обжегся о пустой взгляд голубых глаз. Это было последнее, что увидел Чуковски в своей жизни...

3.

В глазах доктора Бо царили печаль. Холодная осенняя печаль. Серые глаза буравили Анну, борода смешно подергивалась.

Она лежала на операционном столе, распластанная, обречено рассматривая грязный халат доктора. В операционной царил беспорядок. Некогда сияющий кафель потрескался, местами отвалился, обнажая серый цемент стен. Шкафчики с инструментами покосились, стеклянные полочки пошли трещинами. Огромные гроздя паутины, свисали с потолка, печально покачиваясь в такт сильному дыханию доктора.

Анна повела взглядом вдоль операционной, созерцая, впитывая упадок и разрушение. По правде, говоря, вместо обычного ужаса, она чувствовала скорее усталость.

Усталость от постоянного страха.

Усталость от долгих дней и приятных ночей...

Бо провел рукой по столу, рисуя причудливый рисунок на пыльной поверхности.

- Боюсь, моя дорогая, наше лечение бесперспективно.

Доктор сокрушенно покачал головой:

- Я впервые сталкиваюсь с таким запущенным случаем.

(Ага, расскажи это Марфину, приятель – думаю, вы отлично посмеетесь вместе...)

Бо задумчиво разрезал ночную пижаму, обнажая замершее тело.

- Нет, не надо – шептала она, чувствуя, как возвращается такое забытое, такое долгожданное чувство...

(Боль и страх...)

Доктор провел ладонью по животу, опускаясь, все ниже и ниже.

- Даже и не знаю – продолжал Бо, - даже и не знаю...

Анна пыталась закричать, но крик остался где-то в другой жизни. Здесь она могла кричать только тогда, когда этого хотел Бо – в этом мире он устанавливал правила игры.

(Чаззет, чиззет, чеззет...)

Доктор наклонился, вплотную приблизившись к ее лицу. Она ощутила легкий запах пыли, исходящий от Бо. Запах сухих листьев, запах осени...

(Здесь всегда осень, запомни детка...)

- Я знаю, как навести порядок в твоей головке, моя крошка – Анна ощутила холодное прикосновение скальпеля.

Тех сил, что остались в измученном теле, хватило только на еле слышный шепот:

- Нет. Не надо. Пожалуйста, не надо!

(Чаззет, чиззет, чеззет – на куски тебя разрежет...)

Бо пристально рассматривал бьющуюся жертву. Кожаные ремешки перехватили руки и ноги, надежно удерживая Анну.

- Я мог бы вскрыть твой череп, и выровнять твои больные извилины, я мог бы навести порядок, но, увы! – доктор вздохнул – есть причины, которые сводят на нет, все мои старания.

- Буду откровенен – продолжал доктор – мы топчемся на месте...

(Но почему? Почему?!)

- Я думаю, пришло время навестить наших маленьких друзей – Бо причмокнул, - еще не все потеряно, поверь мне...

(Я верю, только...)

Бо погладил Анну и впился в нее сладостным поцелуем. Анна застонала, чувствуя, как опытные руки доктора ласкают тело, забираясь в самые укромные места.

(Мы пройдем дорогой безумия до конца, вместе, только ты и я...)

Анна сгорала в сокрушающем огне плотских ощущений. Время застыло, рассыпаясь в прах, мир сдвинулся, все стало предельно просто. Звезды потухли, чтобы через столетия вспыхнуть вновь, освещая в ярком свете два тела, которые жарко сплетались в одно...

Осень начала растворяться, уходя в небытие. Анна ощутила, как сжимается, усыхает тело доктора, как жизненная сила Бо, наполняет ее естество, и когда пустой халат упал на ее грудь, Анна закричала, забилась цепких судорогах наступающего оргазма.

Тысячи молний осветили вселенную страсти, возвращая ее в реальность старых стен проклятой лечебницы, в обитую войлоком палату, в омерзительные, похотливые объятия санитаря, который навалился всей своей тушей, безжалостно вдавливая измученное тело Анны в мягкий, пропахший лекарствами, матрац.

Анна ощутила, как тонкая струйка брызнула в ее тело, разливаясь омерзительным теплом. Тусклая мгла накрыла ее разум, готовясь забрать душу, забросить ее в самый далекий уголок вечности.

- Успокойся, не паникуй – она услышала тихий шепот где-то в голове – делай, как я скажу, и все будет хорошо...

(Я в тебе крошка, мы с тобой одно целое, ты и я, я и ты... Вдвоем...)

Анна тихонько улыбнулась, слушая голос, который шептал, подсказывал, направлял ее...

(Все, что только захочешь, Анна – не сомневайся, детка...)

Она положила ладони на виски Чуковски, обхватив голову насильника, вдавила большие пальцы рук в глазницы санитаря, и почувствовала, как что-то теплое, вязкое потекло по небритым щекам.

(Хей-Бо детка, это последний взгляд Чуковски, стекает под твоими ладонями)

Огромная туша окаменела, Чуковски набрал полную грудь воздуха, пытаясь родить безумный, отчаянный крик, но вместо этого из горла санитаря, раздалось тихое, сильное поскуливание. словно безродный пес выпрашивал сочную, сахарную кость, обводя хозяев виноватым, собачьим взглядом.

(Хей-Бо детка, слушай, и не говори, что не хочешь слышать, делай, и не говори, что не хочешь... вылечиться...)

- Хей-бо – выкрикнула Анна, и откусила санитарю язык...

Тьма, накрывшая Чуковски, принесла боль. Много боли.

Пока что, он мог еще слышать (пока мог...). Тихий шепот разорвал душу, принеся особое знание, от которого отдавало ледяным дыханием смерти.

(Ты умрешь... досчитай до девятнадцати, и умри...)

- Нет – кровотокающий обрывок языка задержался во рту, пытаясь наполнить смыслом клекот, выходящий из горла Чуковски.

(Да, малыш, на этот раз да! И ты, как никто знаешь это. Я подарю тебе мучительную смерть, хотя мог бы подарить очень мучительную. Впрочем, выбор за тобой, считай малыш, считай... Я помогу тебе...)

Чуковски захрипел, густая, темная кровь хлынула по подбородку. Огромная когтистая лапа сжала сердце, пытаясь вырвать его из груди.

(Ну давай же... Раз...)

- Вырви глаз – Чуковски хрипел, чувствуя, как невнятные, клекочущие звуки, забирают его жизнь...

(Два...)

- Мертвая голова...

(Три...)

- Жертва замри... (Умри...)

Черная мгла сгустилась, и Чуковски услышал мерный хлопающий звук. Страшная птица забвения, хлопая крыльями, схватила, и полетела прочь, унося в ад его никчемную душу...

4.

Услышав подозрительный шум, Горман встрепенулся, пытаясь одновременно переключить ночной канал, и нащупать руками дубинку. Совершая обход, он всегда возвращался в каморку, которую делил с напарником – ненавистным дегенератом Чуковски. Горман не питал никаких иллюзий, насчет напарника – он догадывался, какому греху предается Чуковски, во время ночных дежурств. Удивляло одно – как подобные развлечения сходили с рук этому похотливому идиоту? Чуковски умудрялся выходить сухим из воды в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. Горман втайне подозревал, что Марфин питает симпатии к слоняному санитарю, прощая ему все оплошности, в отличие от послушного и исполнительного Гормана.

Это было несправедливо. Черт подери! Совсем несправедливо...

Некоторое время Горман прислушивался, впитывая окружающую тишину, затем успокоился – наверно показалось, (а может быть неугомонный Чуковски нашел себе новую игрушку?)

Горман пожал плечами – как бы то ни было, он не собирался пропустить ночное стрип-шоу. Старый телевизор, который Горман нашел в кладовке, показывал не ахти, разбавляя изображение полосами помех, но это было лучше, чем тупо сидеть, рассматривая причудливые узоры трещин на плохо побеленном потолке, или разгадывать кроссворды в подшивке журналов трехлетней давности.

(Можно было пошарить в столе Чуковски – там наверняка завалился старый, растрепанный «Пентхауз», или что получше, но Горман считал ниже своего достоинства, заглядывать в стол напарника, пусть даже такого психа, как Чуковски)

Несмотря на взаимную неприязнь, напарники приходили к выводу, что вдвоем дежурить все же немного веселей. Конечно, не стоило забывать про Веру, которая запиралась на ночь в манипуляционном кабинете, но Горман знал, что выкурить рыжую стерву, из ее логова не удавалось пока никому, за исключением, пожалуй, Марфина. Более того, в последнее время, док стал частенько ночевать на рабочем месте, причем эти ночные бдения с поразительной точностью совпадали с графиком дежурств медсестры.

Конечно, амурные похождения главврача интересовали Гормана меньше всего, но, иногда, в особо нудные вечера, санитар подумывал о том, что неплохо было бы оттрахать рыжую суку, так, чтобы она надолго запомнила, на что способен молодой санитар.

К счастью подобные мысли не часто посещали Гормана. Он не собирался становиться на пути Марфина. Не хотелось бы стать еще одним пациентом доктора. Горман не сомневался, что Марфин способен был превратить его в пускающего соплю, идиота. Подобная перспектива не могла радовать Гормана.

(Куда запропастился Чуковски?)

Не то, чтобы Горман соскучился по напарнику, но долгое отсутствие наводило на подозрения. Горман повернулся к телевизору. Происходящее на экране, почему-то уже не радовало. Горман чувствовал, - что-то не так. Что-то нехорошее... неправильное...

(Раз – в первый раз... И Чезет...)

Господи, какой бред лезет в голову – Горман отмахнулся от зазвучавшей в голове считалочки Чуковски, которой тот частенько донимал напарника. Только такой полудурок, как Чуковски мог напевать лишенные смысла слова (что такое Чезет?).

Горман вздохнул, - хочешь, не хочешь, придется подняться наверх, посмотреть, как идут дела у Чуковски. Санитар выключил телевизор (перед тем, как пропасть, изображение пошло косыми помехами, высветив на мгновение странную фигуру в белом халате, на что, впрочем, Горман не обратил внимания).

Санитар прицепил к поясу дубинку (Горман использовал ее только по назначению). Затянул потуже пояс – в отличие от тучного Чуковски, Горман был среднего роста, при этом обладал довольно развитой мускулатурой.

(Раз – вырви глаз...)

Горман вышел из каморки, и прошел по узкому коридорчику, образованному между стеной и старым, ненужным шкафом, в котором хранились пыльные папки с документами, столетней давности.

(Два – мертвая голова...)

Он поднялся по ступеням на второй этаж, отметив необычайную тишину.

(Три – жертва замри...)

Горман шагнул в темноту, которая сгушалась в конце коридора.

(Страх, ужас, чье-то присутствие)

Странный запах (смерти?), и опасность, исходящая из темноты.

В полумраке Горман нащупал полуоткрытую дверь и осторожно заглянул вовнутрь. Когда глаза привыкли к темноте, Горман сумел рассмотреть Чуковски, который лежал на полу лицом вниз, распластавшись в нелепой позе – словно пьяный, отключившийся, по дороге домой. Кроме напарника в палате не было никого. Горман подобрался, подкрался к лежащему санитару и тихонько толкнул ногой.

(Как кукла, гребаная сломанная кукла)

Горман перевернул санитару и тихонько охнул. В темноте пустые глазницы казались черными кляксами, оставленными на пожелтевшем пергаменте. Засыхающая кровь испачкала шею и грудь трупа. Безумная гримаса боли навсегда застыла на лице Чуковски. Горман осторожно опустил тело напарника и, словно тень, выскользнул из палаты. Оглядываясь по сторонам, он перехватил поудобнее дубинку, и побежал вдоль коридора...

5.

Анна сидела на пролете, между этажами, облокотившись о холодный кафель стены. Прошло полчаса (если время имеет значение), с того момента, как она, словно сомнамбула, вышла из палаты, оставив там умирающего санитару. Ей нужно было спрятаться, забиться в укромный уголок, чтобы предасться размышлениям о прошлом, будущем и настоящем.

(Давай подумаем вместе, крошка)

В связке, до сей поры висевшей на поясе Чуковски, нашелся ключ, который открывал дверь напротив. Анна спустилась по ступенькам запасной лестницы (до этого момента она не отдавала отчета в своих поступках, действуя, словно автомат со сломанной программой, и уж тем более она не знала, что скрывалось за дверью напротив), не забыв запереть за собой. Ей было не по себе.

Тонкий, противный, как комариный укус, голос звенел в голове, что-то рассказывая, захлебываясь от нетерпения. Когда Анна спускалась по ступенькам, ее вырвало желчью и кровью (похоже, старик Чуковски не надолго задержался в тебе, крошка...) Пыльные стены, некогда красные в зеленоватый цвет, испачкали кровавые потеки рвоты.

Помимо всего она чувствовала неприятную тяжесть в животе, который надувался на глазах, словно она проглотила упаковку пивных дрожжей. Анна погладила округлившийся живот, и почувствовала неприятный зуд в груди. Проведя руками, она поняла, что ощущает, как набухли соски. Тупое отчаяние навалилось тяжелым гнетом, смятая, прижимая к грязному, давно не мытому, полу. Судороги прошли по телу, снизу вверх. Мышцы живота напряглись, словно пытались вытолкнуть что-то из чрева.

Анна устроилась поудобнее, широко расставив налившиеся бедра. И приготовилась ждать. Сколько потребуется.

(Хей-Бо, Анна. Хей-БО и Чеззет...)

Серая осень просочилась в ее мысли, изменяясь, перетекая мутными каплями, направляя, погружая в глубокий сон...

Где-то, этажом ниже, Горман спускался по шербатым ступенькам, спеша к своему шефу, чтобы доложить о случившемся с напарником. Там же, на первом этаже, медицинская сестра Вера, дочитывала старый потрепанный женский роман, о смелых рыцарях и прекрасных дамах, с трудом удерживаясь от того, чтобы не последовать в страну грез, напрямик в ночной кошмар Анны, чтобы встретить лицом к лицу с доктором Бо.

(Хей-хо, хей-хо, а парень этот – я!!!)

Темнота скрыла все ощущения, украла боль и ужас, сладкая дрема вышла из тени, еще больше окутывая старую лечебницу, чтобы никто не смог помешать

А в голове Анны раздался неприятный тихий голос. Он шептал, уговаривал...

- Ну что, сучка, так и будешь сидеть, развалив свои толстые ляжки?

Анна вздрогнула, чувствуя, как застывает сердце, как плечи стягивает неимоверная усталость.

- Совершенно верно, голос – я собираюсь именно сидеть, сидеть вечно на этом грязном, холодном полу, и проваливай туда, откуда ты взялся...

(Ну уж нет, красавица, нам предстоит много работы – особой работы, как сказал бы старик Чуковски, если ты понимаешь, что я имею ввиду...)

О, она-то как никто понимала...

Понимала также, что не сдвинется с места, что никакая сила не заставит ее подняться на ноги и убраться отсюда.

Голос не унимался, он то кричал, разрывая остатки разума, то переходил на шепот, невнятный, еле слышный...

(...боли, будет много боли...)

- Иди к черту – Анна сглотнула, пытаясь подавить рвотные позывы.

Голос сменил тактику, теперь он стал ласковым – он шептал, уговаривал:

- Ты и я, мы вместе одно целое. Я часть тебя, ты часть меня. Раскрой разум, освободи память, смотри... Смотри!

(Хей-хо! Смотри же...)

Мир закружился в немыслимом танце, пытаясь выбросить бедную измученную Анну из своих объятий.

(Смотри, и не говори, что не видела, Анна...)

Старое здание из кирпича. Это дом боли, дом смерти и ужаса. Стены впитали боль и страх. Много боли...

Вот парадный вход, вестибюль и столовая. Лестница, ведущая на второй этаж, за ней коридор, который заканчивается дверью. Она ведет не только вверх, но и вниз – в подвал. За огромной тяжелой дверью сырое пустое помещение, в котором свалены груды старого хлама. Сразу у входа – распределительный щиток.

(Смотри, Анна, и запоминай...)

Керамические бочонки, торчащие ровными рядами в сплетении проводов, с опаленной изоляцией – предохранители. Они-то нам и нужны. Будь осторожна Анна – у нас еще много работы...

Рядом – маленький ящичек, который висит на стене – телефонная связь.

(Ты же не хочешь, чтобы кто-нибудь помешал нам, не так ли, Анна?)

Свет померк, и мир заполнила тьма.

В одинокой пустоте Анна плыла навстречу свету, которого не было, нет, и не будет, который не пронзит вселенную отчаяния. Долгое, бесконечно долгое время наедине с собой, своими большими мыслями...

- Кубические миллиарды пустоты, в бескрайней пустыне боли. Ты хочешь этого Анна?

- Нет...

- Вечная агония, умирающей плоти. Смерть, которая стоит за порогом и тянет к тебе свои руки – может быть, ты ждешь именно это?

- Нет...

Голос наполнился самодовольством, вещая в голове, отдаваясь раскаленными иглами в мозг.

- А может быть твой выбор бесконечное страдание, костлявые объятия ужаса? Этого хочешь ты?!!

- Нет!!! – беззвучный крик заполнил грудь, умирая в зародыше.

(Ты уверена? – ласковый шепот...)

- Пожалуйста, не надо!!!
Напрасны мольбы отчаявшихся, взывающих о пощаде, надеющихся на то, что минет их чаша сия.
Глупцы:
Бояться боли, не зная, что такое боль.
Бояться страха, не зная, что такое страх.
(Когда в серых сумерках легкие касания существ, сидящих в глубине ваших душ, приводят в замешательство, сбивая с толку, вызывая недоумение...)
Бояться смерти, не зная, что такое смерть.
(Когда за порогом равнодушной пустоты, тебя встречают самые темные демоны, присутствие которых вызывало первые детские слезы – самые чистые, самые искренние. Когда надежды растворяются в кровавой бездне с первыми касаниями вечности. Когда приходит вечерний сумрак.)
Боль и страх. Страх и ужас.
Смерть! (и Чеззет) Запредел...
Я покажу тебе, что находится на той стороне сумерек. Я заберу тебя с собой.
(Детка, твои ночные кошмары покажутся дешевыми комиксами!)
Ты хочешь познать истину?
Ты хочешь познать сущность Бо?
Ты хочешь заглянуть за грань?
- Нееееет!!!
(Нет? Ты уверена? Я могу показать тебе краешек вечности, ее обертку, не нарушая целостности твоего большого разума)
Голос затих, оставив ощущение ущербной пустоты. Незавершенности.
(Тишина сгустилась до осязаемости, наполнила смыслом взгляд полуночи.)
И грянул снова!
- Ты еще здесь, грязная ленивая сука? Не можешь оторвать от пола свой мясистый зад?
Анна вскочила, сжимая виски руками, пытаясь убить, заглушить голос, который распирал голову звенящим металлом превосходства.
(Шевелись тварь, если не хочешь, чтобы запредел коснулся твоего гнилого мозга.)
Вспышка! Поворот вечности вокруг оси...
(Перетасовка)
И голос стал мягче шелка, нежнее материнских объятий, теплее самого теплого моря...
(Хей-Бо, Анна, хей-Бо...)
- Иди же, делай то, что должна делать. Держи глаза и уши открытыми, чтобы видеть то, что должна видеть, чтобы слышать то, что должна слышать...
Тьма будет с тобой. Тьма будет в тебе. Ты будешь во тьме.
Тьма станет твоим спутником (и союзником) - верным другом.
Не бойся Анна – твое время еще не пришло.
Тьма пребудет с тобой.
И осень, и дождь, и ветер.
И Бо.
Считай до девятнадцати крошка, и мир примет тебя такой, какая ты есть. Начни с конца, чтобы придти к началу. Пусть смерть придет на смену рождению.
(Обратный отчет)
Чеззет...

6.
Вера молилась, став на колени, сжимая в руках, маленький, дешевый крестик. Молилась, ибо чувствовала своим маленьким разумом (твой ай-кью, крошка недостаточно высок, чтобы быть доктором, но вполне достаточен для того, чтобы тихонько постанывать, когда я вхожу в тебя – шептал Марфин, загоняя в нее свой омерзительный отросток) что скоро придет время перемен. Больших перемен. Огромных перемен.
- Господи... - еле слышный шепот Веры разгонял тишину, чтобы осесть где-то в темных уголках комнаты, неясным, тихим эхом. Отголосками молитвы...
Она работала здесь уже достаточно долго (вполне достаточно, чтобы Марфин знал тебя как облупленную, не так ли Вера?), чтобы привыкнуть к чужой боли. К чужому страху. Тем более что для нее было достаточно своей боли. Своего страха.
(Страх и ужас...)
Обычно Марфин приходил ночью. Сразу после того, как санитары совершали первый обход больницы. Он тихонько царапал дверь, словно шелудивый кот, поздно вернувшийся домой из сладких объятий прелестных кошечек.
Тихий, неприятный звук.
(Скреб-поскреб)
Она открывала дверь, впуская доктора, который тенью просачивался в ее кабинет. Все готово, солнышко. Сам процесс соития проходил каждый раз по заведенному порядку. Она расстилала белую простыню на рабочем столе, и ложилась спиной к доктору, поднимала юбку. Марфин пристраивался сзади, снимая с нее трусики своими дрожащими руками (Вера каждый раз вздрагивала, когда доктор прикасался к ней своими пальцами – словно лапки паука, который окутывает жертву коконом, чтобы высосать жизнь, не спеша – капля за каплей).
Вера смотрела прямо перед собой, отставив зад, рассматривая в тоскливом ожидании, косые тени, рисующие на покрашенной поверхности стен причудливые, непонятные рисунки.
Кончив, Марфин некоторое время находился в ней, обессилено прижимаясь к спине, целуя шею, покусывая мочку уха.
(Вот и вся любовь детка...)
Любовь-морковь. Сука-любовь. Любовь ураган. Хрустальные детские мечты Веры, вдрызг разбились о грязную кирпичную стену жизни. Серые будни осенней тоской ложились на плечи, вдавливая в грязь бытия. Где-то жизнь блестела драгоценными каплями изумрудной росы, оседая на волосах и прекрасных телах счастливых обладателей удачи. Дорогие машины и меха, взамен блеклой, зеленой краски на плохо оштукатуренных стенах, отдых на лучших курортах, взамен дежурств ночью, в пропахшей мочой и лекарствами, психбольнице, в богом забытом месте.
(Такое трогательное, фурацилиновое счастье.)
Признания в любви, и безрадостное совокупление на покосившемся от старости столе. Нежные ласки любимого человека и стекающая по бедрам сперма доктора Марфина.
(Все для тебя, любимая, все только для тебя...)

Пятнадцать минут на все, запереть за доктором дверь, и тихонько плакать, рассматривая висащие на стене плакаты, которые напоминают о пользе гигиены, и ужасах отвратительных болезней, передаваемых половым путем.

Пыльные стеклянные шары на потолке навевали мысли о проходящей суете. Вера представляла, как однажды время свернется, словно змея, поедающая свой хвост, и она целую вечность будет лежать на столе, тупо рассматривая рисунки теней, отблески инструментов в стеклянных шкафчиках, слыша сзади натужное пыхтение Марфина.

(Этот ублодок будет раздирать тебя изнутри, попытаюсь кончить...)

- Почему бы тебе, не взять в руки скальпель, и не отрезать его маленький Хей-Бо?

Вера встрепенулась, услышав в голове чужой, посторонний голос. Этот голос проник в ее мысли, разбросал их в стороны, оставив только одну:

(И это хорошая мысль, детка)

- Отрезать его сраный Хей-Бо.

Люстра на потолке погасла, комната погрузилась в темноту. Вера на ощупь открыла ящик стола (да-да, того самого стола...), и вытащила огарок свечи. Там же в ящике, нашлась коробка спичек.

Вера чиркнула спичкой, и загорелось уставившись на мерцающий зеленоватым светом огонек. Поставила свечу в пустой стакан и торопливо, пока не погасла спичка, зажгла короткий, почерневший фитиль.

Свеча, тихонько потрескивая, осветила неровным светом комнату, отвовав небольшое пространство у наступившей тьмы.

Царицы Тьмы...

Вера опустила руки, шкафчики с лекарствами, стоящие у стены поплыли куда-то вбок, потолок закружился, вызывая тошноту. Девушка покачнулась, чувствуя, что теряет сознание. Корявые тени, выползли из разных углов, заполнили пространство кабинета, собираясь в промозглую, осеннюю мглу.

Медсестра тихо охнула, падая на пол, мгла сгустилась, надвинулась, окутывая, забирая в плен. Заменяя собой все мысли и желания...

Тихий плен, зыбкий омут застывших чувств.

(Тихий смех, и шлепанье босых ног в коридоре...)

Кто-то пробежал мимо, заливая радостным детским смехом, и наступила тишина.

(Маленький ребенок? Все возможно, доктор Дрема знает свое дело...)

Вера услышала как во тьме за закрытыми дверями манипуляционной, рождалось что-то нехорошее, чудовищное. Весь мир заполнило ожидание, тяжелое предчувствие беды. Ей захотелось кричать, чтобы разрушить проклятую тишину, разбить минуту молчания, которая растянулась в вечность.

Неподвижность, граничащая с ужасом.

Боль, заменившая смысл.

Обитель скорби...

Тихий скреб-поскреб (маленький, замерзший котенок, царапающий дверь, чтобы сердобольная хозяйка пустила пушистого шалуна в дом), прозвучал, словно гром.

Вера встрепенулась. Ей захотелось ползти, навстречу спасительным звукам, которые убили немую тишь. Ползти по полу, ломая ногти, обирая руки. Ползти, только бы не прекратились эти, пусть тихие, но одновременно такие прекрасные (скреб-поскреб) звуки.

(Поднимайся на ноги, ты, ненормальная дурочка, ты же не будешь встречать доктора Марфина, ползая по полу, словно слизень - это же, в конце концов, негигиенично...)

Девушка мотнула головой, разгоняя дрему, заменяя серую муть тусклым светом горячей свечки. Кое-как приподнялась, уцепившись маленькой рукой за неровный, будто обгрызенный кем-то (или чем-то) край стола.

Скреб-поскреб усилился. Вера представила, как Марфин, согнувшись, скребется в дверь, притоптывая от нетерпения, и обречено подошла к двери...

(Ох, детка, лучше бы ты не делала этого...)

Щелк – щелк, кто там? Дверь распахнулась, и что-то ворвалось в кабинет, сбивая с ног, вереща, словно тварь из фильма ужаса. Перед глазами мелькнул окровавленный халат, сильная рука схватила за горло, сжимая пальцы, не давая вздохнуть.

(Ох, мамочка, как больно... Больно!)

Маленький вихрь, прошелся по комнате, разбрасывая в сторону все, что вставало на его пути, таща за собой Веру, словно сломанный манекен.

(Я знаю точно наперед, сегодня кто-нибудь умрет...)

В глазах вспыхнули и заплясали маленькие чертики. Вера пыталась кричать, но пальцы, сжимающие горло не оставляли ни малейшего шанса выпустить застоявшийся воздух из судорожно сжимающейся груди. Существо, протасило ее по полу, бросило в центре комнаты, и направилось к двери, чтобы отгородить возможных зевак от предстоящего шоу.

(Кровь-шоу. Вырвиглаз-шоу)

Дверь захлопнулась, и с этого момента, для Веры, стрелки часов закрутились в обратную сторону, отмечая последние минуты жизни. Огонек свечи колыхнулся и погас, оставляя Веру в пьянящей темноте (в ожидании исхода).

Она закричала...

7.

Анна с трудом поднялась на ноги, держась за неровную, потрескавшуюся стену. Лестница уходила вниз, увозя в царство пыли и темноты – в подвал.

Голова распухла от боли. Тело налилось тяжестью, ноги превратились в чугунные слитки. Первый шаг дался тяжело. Анна стиснула зубы, пытаясь сдержать рвущийся стон. Живот надулся и выпирал словно груша.

Она спускалась, с трудом нащупывая ступеньки в крошечной тьме. Анна прошла мимо двери, из-под которой выбивалась узкая полоска света. Это дверь, выходящая в коридор на первом этаже (но нам, милая, не сюда, пока...) Ниже...

По мере того, как Анна спускалась в подвал, темнота сгущалась, приобретая плотность, запах. Она чувствовала сырость, которая словно зала в свои заплесневевшие объятия.

А вот и дверь в подвал – огромная, оббитая проржавевшим железом, холодная и грязная на ощупь. Где-то, с другой, противоположной стороны подвала, находилась еще одна, точно такая же дверь.

Анна толкнула свою дверь, втайне надеясь, что за долгие годы бездействия, дверь приросла, приржавела, навсегда отгородив страшный, сырой подвал. Дверь поддавалась, открывшись с поразительной легкостью. Затхлый воздух ударил в лицо, приглашая войти. В подвале горел свет. Пыльные лампочки свисали на проводах, пытаясь своим светом, хоть немного разбавить темноту склепа.

(Приятное местечко, ты не находишь?)

Анна зашла в подвал. Пол в подвале был земляной, влажный.

Подвал тянулся под всем зданием. Старый ненужный хлам, полусгнившая мебель, крысы, и кое-что еще.

(О, ты знаешь, что там...)

Дверь закрылась, отрезав путь к отступлению. Электроштит находился у второго входа, а значит, ей придется пройти через весь подвал, лавируя между кучами мусора, стараясь не касаться грязных, покрытых слизью, стен. Приятная прогулка.

Анна двинулась вперед, борясь с очередным приступом рвоты. Слишком мало времени. Вперед!

Она сгинула вперед, прошла мимо сваленных у стены, заплеванных папок, рассыпавшихся папок, с какими-то бумагами. Чуть дальше она увидела перевернутую инвалидную коляску, с погнутыми, изуродованными колесами. Некоторые спицы торчали из ступиц, словно сломанные ребра из раздавленной груди.

Такую же, или похожую коляску, она часто видела в своих снах – неперенный атрибут кошмара. На всякий случай, она обошла коляску, стараясь держаться подальше от поверженного демона.

(Ничего, детка, мы еще покатаемся вместе...)

Анна вздрогнула, и отвернулась. Ее снова стошнило на сырой пол.

(Снова и снова.)

Его она увидела издали. Злой гений Марфина нашел применение старинному деревянному креслу, с высокой спинкой и широкими подлокотниками. Небольшой шлем, сплетенный из кожаных ремней, небрежно свисал со спинки кресла. Два латунных электрода были прочно вшиты в потрескавшуюся кожу. От них, к старинному рубильнику на стене, уходили толстые провода, теряющиеся затем в полумраке подвала.

Шлем надежно крепился к голове пациента ремнями, прижимая электроды к вискам. Небольшой резиновый мячик с продетым сквозь него жгутом, вставлялся в рот жертвы, чтобы глушить крики.

Электрический стул.

Жаркое дядюшки Марфина.

(Сегодня в меню – печеные мозги под соусом из слез...)

В темноте трудно было разглядеть крепления для рук и ног, но Анна знала, (уж она-то знала это...), что они там есть. Ждут своего часа, вместе с креслом.

(Ты не устала Анна? Если так – можешь ненадолго присесть, тебе будет очень удобно. Не сомневайся.)

- Черта с два!

Анна прошла мимо кресла, не оглядываясь, заглушая, посторонние, ненужные воспоминания о прошедшей боли. На это не было времени.

(Не сейчас, кресло. Не сейчас...)

Ржавый металлический шкаф, у второго входа в подвал. То, зачем она спустилась сюда, в заплетенный паутиной, ад.

Шаг за шагом. Мимо утраченных иллюзий, мимо разбитых надежд. Путь, пролегающий между старым хламом и пропыленными хлопьями паутины, ведущий в никуда, и одновременно к выходу отсюда. Путь лежащий на поверхности, и одновременно под землей. Место, где смешались прошлое и настоящее, где время размазало по сырým стенам, стекая мутным киселем, забиваясь в мельчайшие щели, чтобы выползти потом оттуда в радостном созидании будущего. Здесь и сейчас. В этом забытом богом подвале, в забытой богом лечебнице, в забытом богом городе, в проклятой богом вселенной...

- Хей-бо Анна, хей-бо...

Схватки застали ее врасплох. Судороги заставили извиваться в конвульсиях, как раз в тот момент, когда с противным скрипом она открыла крышку электрического щита. Серовато-белые бочонки предохранителей, хитросплетения запыленных проводов. Еще раньше она вдрызг разбила пластмассовую коробочку телефонного коммутатора.

Анна сползла вниз, оседая, словно пена в пивном бокале. Что-то хотело вырваться из ее измученного, оскверненного тела. Что-то или кто-то...

Голос в голове, до сей поры дремавший где-то далеко, проснулся, нашептывая, напоминая...

(Потерпи немного. Что значит несколько мгновений боли, в бесконечности кошмара?)

Ничего!

Новые схватки скрутили тело в пересохший жгут. Анна застонала, когда острая боль ударила между бедер, погнала в бездну мрака. Она развела в стороны полы халата, обнажая раздувшийся живот.

(Уже скоро Анна, и не забывай о том, что ты должна сделать... О работе, которая ждет тебя...)

Стон перешел в крик, который Анна заперла, задержала в груди.

(Мамочка, как же больно...)

- Мне больно! Больно!!!

(О да, детка, я знаю – тебе больно. Но потерпи немного, и ты узнаешь, что такое НАСТОЯЩАЯ боль!!!)

Боль... и чезет.

Крик усилился, разрывая грудь, пытаясь вырваться, пройти хотя бы тихим стоном сквозь сжатые зубы. Анна почувствовала, как дернулся мир, и пелена начала обволакивать реальность желтоватыми оттенками боли.

(Кричи, крошка – кричи).

Зарождающийся крик поднялся над разумом, который держал его в оковах. Он освободился и разорвал грудь.

(Кричи, детка – давай же...)

- Хей-Бо... Хей-боооо...

Анна ощутила, как внутри пришло в движение существо, задержалось, готовясь покинуть ее тело, чтобы наполнить смыслом окружающую пустоту. Своим особым смыслом.

Не веря глазам, она увидела как окровавленная головка существа, раздвинула изнутри ее плоть и показалась наружу.

Боль разорвала ее пополам и зашвырнула в водопад страдания. Существо выбиралось из ее тела. Оно казалось, спешило принести боль в ее мир. Торопилось исполнить приговор небес. Сбросить во тьму ангелов, растоптать белоснежные крылья...

(Я иду... Хей-хо...)

Существо раздирало внутренности Анны, словно чужой, нашедший кратчайший путь к свободе. Анна засмеялась, пытаясь удержать распадающееся на куски сознание, временами всплывая, выбираясь на поверхность боли-реки.

(А парень этот я – маленький Бо...)

Смех перешел в кашель. Существо выбиралось. Маленькое окровавленное тельце извивалось, словно угорь. Оно повернуло голову, жадно рассматривая Анну, впитывая ее страх, набирая силы. Анна увидела знакомые подслеповатые глаза и задыхнулась от ужаса. Ночной кошмар оказался явью. Доктор Бо прошел в ее мир тонкой дорогой, проложенной между сном и явью, чтобы закончить все свои дела. Убить двух собак. Закрутить гайки...

(А кого ожидала увидеть ты, сладенькая?)

Последняя судорога прошла волной, освободив существо. Маленькое, окровавленное тельце подергивалось от холода, пытаясь подняться на ноги. Когда ему это удалось, существо запрыгнуло на Анну, и ловко перебирая скрюченными ручками, стало подбираться к ее груди.

(Корми меня, - узнаешь, что за счастье - держать в руках сосущее дитя...)

Существо нащупало сосок и прильнуло к груди. Мелкие, острые зубы вцепились в ее плоть, словно существо хотело вгрызться в ее тело, чтобы вернуться назад.

Анна приняла боль, покорно отдаваясь воле существа. Если бы оно только захотело выпить ее кровь, забрать ее душу – она была готова к этому.

(Ну, уж нет...мамочка...)

Кем бы ни было это существо, - очередным воплощением доктора Бо, или демоном, глубоко сидящим в ее подсознании и только теперь нашедшим способ попасть в эту реальность, - оно питалось не кровью, отнюдь.

Ему нужны были страдания и муки. Крик раздираемой плоти. Агония жертвы, перед погружением в небытие.

Словно в подтверждение, существо большее укусило ее за сосок. Анна захрипела, ощущая, как страхи и боль выходят из нее, передаваясь твари, которую она перенесла в этот мир, насыщая ее, наполняя силой.

Доктор Бо по капле пил ее страх, смакуя, наслаждаясь.

(Еще Анна, еще...)

Анна закрыла глаза, вздрагивая от омерзительно приторных касаний маленького тельца. Словно насытившись, существо оставило ее грудь, и сползло в низ. Маленький кулачек больно ткнул ее ниже колена. Существо требовательно потянулось к некогда белому халату, пытаясь стянуть его с Анны.

Существу было холодно...

Анна позволила стянуть с себя халат, чувствуя полную опустошенность. Тварь выпила все страхи, оставив взамен тоскливую пустоту где-то под сердцем.

(Пусть этот халат останется нашей с тобой памятью о Чуковски. Поверь – этот парень легко отделался...)

Существо ловко просунуло руки в рукава, и накинуло на себя халат. Оно уверенно стояло на ногах, и заметно подросло.

Пустые рукава свисали с маленьких ручек, - существо неторопливо подкатило их, подгоняя халат под свой размер. Халат здоровяка Чуковски был ему велик, свисал сзади, словно шлейф. Не обращая внимания на длину халата, существо направилось к выходу. Длинная, похожая на жгут из перекрученных вен, пуповина тянулась по грязному полу, оставляя ослизлый, кровоточащий след.

Оглянувшись в последний раз, существо подмигнуло Анне, и скрылось за дверью, оставив ее одну в огромном подвале.

Анна лежала на полу. Странная гримаса не то ужаса, не то боли перекосила ее лицо. Больше всего на свете, ей сейчас хотелось заснуть навсегда. Плыть по течению, закрыть глаза, ни на что, не обращая внимания.

Но прежде, чем упокоиться в этом сыром подzemелье, она должна была довести до конца одно дело...

(Делай Анна то, для чего ты здесь...)

Анна осторожно подобрала ноги, стараясь не смотреть на огромную, кровоточащую рану между ними. Она приподнялась, из последних сил оттолкнувшись от стены.

Хей-хо Анна, хей-хо! И чезет...

Покачиваясь на гнущихся ногах, она рассматривала содержимое большого железного ящика, висящего на стене.

(Вот эти бочонки в стальных зажимах – предохранители. Будь осторожна Анна...)

Анна вытащила из зажимов первый предохранитель. Фиолетовые искры опали электрическим веером, рождая запах озона. Второй этаж погрузился в темноту.

(Хей-хо!)

Следующий предохранитель улетел в полумрак. Упал куда-то в старый хлам, закатился в самый дальний уголок. Первый этаж отдался тьме.

Самый последний бочонок – и полумрак подвала сожмется в горошину, исчезая, заменяясь чернотой ночи. Холодной осенней ночи...

(Нет, Анна, не сейчас – возможно позже, но не сейчас... Оставь его, Анна...)

Она равнодушно пожала плечами, прислушиваясь к голосу, который звучал в голове. Существо убежало вверх, издавая тонкий, еле слышный, детский смех, оставив голос, который словно паук, свил паутину в одном из закоулков ее разума, чтобы время от времени давать советы, учить, помогать...

Анна легла на холодный пол, прижавшись щекой к земляной поверхности, и закрыла глаза, надеясь провалиться в пучину бесчувствия, отгородиться тонкой, колышущейся завесой сна, от невыносимо кошмарной реальности...

И тьма поглотила ее...

8.

- Доктор, у нас проблемы.

Несколько минут назад Горман тихонько постучался в кабинет Марфина, и теперь, запыхавшись, нависал над сидящим за столом, доктором.

Марфин безмятежно рассматривал Гормана, отстранено наблюдая, как дрожат руки испуганного санитара.

- Что случилось?

- У нас проблемы, - тупо повторил Горман, с трудом выговаривая слова.

Марфин выразительно посмотрел на незадачливого гонца, принесшего дурные вести. Горман пришел не вовремя. Ночной визит санитара был некстати, особенно сейчас, когда Марфин собирался нанести дружеский визит Вере, которая, несомненно (о да!) ждала его.

- Я спрашиваю, что случилось. Да успокойтесь же, черт вас раздери – проскрипел Марфин, все более раздражаясь.

Горман собрал всю смелость, чтобы рассказать доктору о страшной находке в одной из палат. По мере того, как сбивчивая поначалу речь Гормана, становилась все быстрее и связаннее, на лице Марфина отражалась сложная гамма чувств – от легкого раздражения до озабоченности...

- Дьявол! – выдавил доктор. Его лицо осунулось, посерело. Горман виновато смотрел, как Марфин неуверенно пытается разобраться с собственными мыслями. Привести в порядок эмоции, чтобы обнажить, наконец, свою змеиную сущность.

- Доктор – Горман немного пришел в себя, и робко коснулся рукава Марфина – она взяла ключи Чуковски...

Марфин сжал челюсти, чувствуя, что еще немного, и вцепится в санитара.

(Давая, разорви эту гнусную рожу, сотри это тупое выражение беспомощности с лица этого кретина.)

Гнев переродился в судороги, сдавившие грудь.

(Доктор Марфин, случившееся подчеркивает вашу некомпетентность. Вы уволены...)

Черт раздери этого тупого идиота Чуковски! Марфин догадывался, что за его спиной Чуковски позволял себе некоторые вольности по отношению к пациентам, но такого он не мог даже и представить. Чертов ублюдок поставил под угрозу всю дальнейшую карьеру Марфина. Перевернул жизнь. Отравил, испортил существование молодого, амбициозного, подающего большие надежды доктора.

Что же делать? Марфин сжал виски, пытаясь собраться, сосредоточиться. Нужно убрать труп, надежно спрятать. Заставить Веру прибраться в палате, чтобы не осталось следов. Концы в воду. Марфин посмотрел на Гормана – девять из десяти – трусливый еврей разболтает о случившемся, как только покинет стены больницы. Ладно, Марфин решит эту проблему. В конце концов, всегда можно сослаться на несчастный случай.

(Ага, бедолага Чуковски споткнулся в темном коридоре, нечаянно выколол глаза, и откусил язык – наверно от испуга...)

Черт!!!

Первым делом необходимо найти сумасшедшую тварь, которая убила санитаря.

(Найти и проделать с ней то же самое, что она сотворила с Чуковски)

Проклятая дура – ну погоди же, доктор Марфин зажарит содержимое твоей черепахи, уж он сделает все как надо – не сомневайтесь. Пара сеансов электрошоковой терапии, и про личность Анны можно будет забыть. Навсегда! Он превратит ее в растение...

- Идем!

Марфин рывком выдвинул ящик стола, и вытащил пистолет. Горман испуганно смотрел, как Марфин прячет оружие за пояс. Перехватив взгляд санитаря, Марфин поморщился, отметив про себя, что Горман в последнее время стал чересчур щепетильным (изнеженным). В голове промелькнула мысль о том, что попозже, когда они разберутся с этой проблемой, нужно будет подыскать когонибудь другого, на место Гормана.

(А что касается дружищи Гормана, так на этот счет у Марфина найдется пара дельных мыслей, будьте уверены)

Они поднялись по главной лестнице на второй этаж, прошли по темному коридору. Марфин обратил внимание на странную тишину, которая словно одела старую лечебницу в одежды безмолвия, забирая, высасывая все звуки.

(Тишина, и смерть...)

В палате Гормана стошнило. Марфин, стараясь не обращать внимания на запах рвоты, который смешался с запахом смерти, внимательно осмотрел то, что осталось от Чуковски.

- Сука! – выругался доктор, чувствуя, как гнев начинает просачиваться в душу, наполняя разум кипящей яростью – Сука!!!

Марфин наклонился, изучая след, ведущий из палаты. Он вышел в коридор и осторожно подкрался к двери, за которой скрывалась запасная лестница.

- Она где-то там – Марфин жестом позвал Гормана – лестница имеет два выхода - на первый этаж и в подвал.

Горман согласно кивнул – его некрасивое лицо пошло пятнами испуга. Марфин с отвращением посмотрел на санитаря.

- Иди за мной.

Доктор открыл дверь, и они шагнули в полумрак запасного выхода. Ступеньки были скользкими, словно что-то пролилось на них. Что-то липкое, густое...

Они спустились на один пролет, прошли мимо места, где Анна разговаривала с голосом. Спустились на первый этаж, (в свете пыльного плафона, Марфин с удовлетворением отметил, что Анна не прикасалась к двери, ведущей в вестибюль), и остановились у входа в подвал.

(Она где-то там, затаилась и ждет, когда вы сунетесь в объятия смерти...)

- Ну нет, детка – нет.

Марфин покачал головой – пора немножко поиграть в прятки...

Доктор вставил ключ, повернул его на пол оборота и обломил, оставив в скважине острый обломок.

(Теперь Анна, ты не сможешь воспользоваться этой дверью)

Из-под двери, ведущей в подвал, которую Марфин навсегда закрыл для Анны, выбивалась неровная полоска света. Теперь главное успеть зайти с главного входа в подвал – и птичка попадет в клетку!

На секунду Марфину показалось, что пространство сгустилось, сжалось в одну бесконечно черную точку и развернулось обратно. Где-то вдалеке раздался тихий детский смех.

(Что за чертовщина...)

Марфин повернул голову, вслушиваясь в тишину – наверно показалось.

В этот момент погас свет...

9.

Анна стала тьмой, она жила ею, сроднилась с ней, растворилась без остатка. Душа ее пребывала на дне мироздания, клубясь темным туманом, перетекая в пространстве теней. Остались тонкие иглы, пронзающие острыми уколами остатки того, что осталось от Анны, напоминая о беспокойной обязанности жить.

И тихие голоса, которые наперебой шептали, насмехаясь над ней.

(Слушай Анна, слушай – и не говори, что не слышала...)

- Кто ты, Анна? Покажи нам кто ты...

- Думай о вечности Анна, вспоминай...

- У тебя много времени Анна, очень много...

Сначала голоса просто надоедали, Анна отмахивалась от них, пребывая в вечном блаженстве небытия.

Ей хотелось уйти полностью за грань сознания. Туда, где замер круговорот событий, причины, поменялись местами со следствиями, отсеивая ненужные воспоминания, оставаясь за пределом. Где все замерло в необыкновенном покое, и стали ненужными суета сует и всяческая суета.

Голоса не хотели отпускать Анну, они становились настойчивее – требовали, угрожали...

- Давай, Анна, давай...

Острые злые молнии стали проходить сквозь разум, рождая потоки мыслей, разбегающиеся в разные стороны.

- Хей-хо, Анна – Хей-хо...

(И Чеззет...)

Что-то всколыхнуло пространство, пытаясь разбудить царство вечного покоя, наполнить его жизнью.

- Ну же Анна, покажи себя, выйди из темноты...

- Исчезните - бормотала Анна, пытаясь отмахнуться, не обращать внимания на голоса – оставьте меня в покое...

Голоса на миг замолчали, затем сложились, объединились в один. И этот голос закричал, все, более усиливаясь, заполняя тьму раскатами грома:

- Выйди из тьмы... Анна...

Анна застонала - проклятые голоса вырвали ее из забвения, вытащили на поверхность.

- Что вам нужно от меня, провалитесь прочь...

Голос захохотал, отзвываясь в сознании, переполняя душу леденящей яростью:

- Вспомни Анна, вспомни все...

Ожидаемые мгновения покоя ушли в вечность, маня своей недоступностью. Анна застонала, в напрасной надежде вернуть утраченное счастье.

Голос не отступал.

- Я помогу тебе Анна. Хочешь, я покажу тебе вечность?

Тьма вернулась на место, растянулась во все стороны пустым пространством. Все потеряло смысл. Исчезла материя, перейдя за горизонт событий, превращаясь в лохмотья хаоса, сгущаясь, растворяясь в беззвучной пустоте.

Она была одна в зияющей бездне, она стала этой бездной.

Время остановилось, потеряв точку отсчета. Мертвый хаос подчинил своей воле, застыл в неподвижности.

В бесконечно долгий миг Анна узнала что такое боль несуществующей души, и она закричала в темноту.

(Смотри Анна, смотри – и не говори, что не видела...)

- Да будет свет – голос родился в пространстве, возрождая к жизни мертвую, несуществующую материю.

И был свет, и яркая вспышка взрыва разнесла по вселенной осколки тьмы, ставшие светом. И миры пронеслись яркой спиралью, вращаясь вокруг оси мироздания...

Яркие звезды вспыхнули во вселенной, принеся смысл и... страх.

Голос вернулся.

- Хей-хо, Анна – раскройся, покажи свою суть...

Звезды закружились в немыслимом хороводе, и обрушились на Анну. Она кричала, сгорая в ледяном пламени...

- Хей-бо, Анна, хей-бо – пели звезды, взрываясь миллиардами взрывов, разрывая на куски, принося боль и бесконечную агонию.

(И чезет...)

Анна сбросила грязную окровавленную простыню, и приподнялась, рассматривая операционную. В прошлый раз уныние осени царило в этих стенах. Теперь же наступила зима. Кафель давно обрушился с потемневших стен, образуя смерзшиеся кучи мусора. Пыль сменилась грязной пленкой изморози, покрывая причудливым узором стены и пол.

Запустение сменилось разрушением. Иллюзии растаяли, чтобы замерзнуть тонким слоем застывших надежд.

Анна осторожно ступила на холодный пол. Пол был холодным, так же, как и воздух во всем здании. Она вышла из операционной, толкнув старую покоробившуюся дверь, с разбитым куском стекла и угодила в длинный коридор. Коридор уходил далеко. Анна пошла по коридору, считая двери, мимо которых проходила.

Раз.

Два.

Три.

(Жертва замри...)

Она остановилась, как вкопанная, увидев полуоткрытую дверь. Лучи света выбивались из-за двери, освещая небольшой участок, словно приглашая войти.

Анна вошла. Комната, в которую она угодила, была небольшой. Такой же облупленный кафель, та же отсыревшая штукатурка, опадающая на грязный пол серыми хлопьями. И зеркало...

Зеркало занимало всю дальнюю стену комнаты. Печать упадка и разрухи не коснулась ровной, кристально чистой поверхности зеркала. Оно искрилось, маяя к себе, испуская ослепительный свет.

- Приди ко мне – шептало зеркало – войди в меня, я отражу твою душу, открою тебе все твои секреты, все вопросы, ответы на которые давно известны тебе, но которые ты прячешь в глубине сознания, боясь вытащить из далеких закоулков, пытаясь хранить зыбкое равновесие.

Зеркало умоляло, звало к себе, тянуло в зазеркалье. В мир, который был отражением иллюзий, или иллюзией отражений.

Анна подошла к зеркалу, и с ужасом поняла, что не видит в зеркале себя. Зеркало прилежно отражало стены комнаты, мусор на полу, паутину на потолке, совершенно забыв про ее существование.

(Словно игнорируя...)

Анна протянула руки к холодной поверхности, и ее кисть не встретила сопротивления, погружаясь в ледяную пучину несуществующего пространства.

Зеркало легонько заколыхалось, словно в спокойную водную гладь бросили камешек. Анна отпрянула, осознавая, что еще немного, и ринулась бы с головой в сладкий омут зазеркалья. Словно почувствовав ее испуг, зеркало помутнело, изображение размazалось, стало нечетким, и пропало. Поверхность зеркала стала абсолютно черной.

Если раньше оно светилось ровным светом, то теперь, казалось, вбирало в себя свет. Анна снова коснулась зеркала – рука наткнулась на сопротивление. Обычное стекло.

Зеркало задрожало, словно пытаясь вырваться из стены, чтобы разлететься на мелкие, острые осколки (иссечь, изрезать тебя Анна, вонзиться холодными стеклянными стрелами в твою плоть).

Темнота рассеялась – Анна увидела очертания какой-то комнаты. Знакомой комнаты.

(А теперь смотри Анна...)

Анна увидела, молодую, милостивую женщину в белом халате, которая сложила руки в беззвучной молитве. Она узнала ее – это была Вера, медсестра, проходящая практику у Марфина. Внезапно Вера вздрогнула, и наклонила голову, словно прислушиваясь к чему-то.

(Угадай Анна, кто пришел в этот поздний час к Вере? Скажу тебе одно – это уж точно не доктор Марфин...)

Вера встала из-за стола и направилась к двери, собираясь впустить гостя, нарушившего ее покой.

Анна вздрогнула, догадываясь, кто бы мог быть этим гостем. Она прижалась лбом к стеклу.

(Нет, Вера, - не делай этого, не впускай никого!!!)

Вера открыла дверь, и маленькое, величиной с собаку, существо, запрыгнуло на нее, сбивая с ног, вцепившись крючковатыми пальцами в горло.

Анна узнала Бо!

Придушив Веру, существо вернулось, чтобы закрыть дверь, затем, не спеша, методично принялось обшаривать содержимое шкафчиков, стоящих в кабинете. Оно нашло стетоскоп, и, зачем-то повесило его себе на шею. Затем доктор Бо начал перебирать медицинские инструменты, лежащие в одном из шкафчиков. Выбрав, наконец, подходящий (самый большой скальпель, крошка – любимый инструмент доктора), Бо, вернулся к Вере, которая начала понемногу приходить в себя, и попыталась приподняться с пола.

Анна закричала, пытаясь предупредить несчастную Веру.

- Беги, Вера – беги же.

(Беги, как только можешь. Беги Вера, беги...)

Напрасно! Вера не слышала Анну, зато доктор Бо, насмешливо посмотрел в ее сторону, словно приглашая разделить предстоящее удовольствие.

(Присоединяйся, детка!)

- Не надо, пожалуйста, оставь ее – Анна колотила руками, в напрасной надежде выпросить, вымолить спасение для обреченной жертвы.

Существо в зазеркалье насмешливо повернуло голову, и занесло скальпель над головой Веры.

Анна закрыла глаза, чтобы не видеть то, что должно было произойти...

Там, в зазеркалье, доктор Бо сделал первый разрез.

10.

Тьма обрушилась на них, словно зверь, в мгновение ока забрала в свой кошмарный плен. Тьма и тишина, которую взорвал дикий крик.

(Вера!!!)

- Назад, быстро – прошипел Марфин, и они, с Горманом, спотыкаясь в темноте, поднялись к двери, ведущей на первый этаж.
(Быстрее, как только можно...)

В неровном свете огонька зажигалки Горман сумел открыть дверь, и они вывалились из тьмы лестничных пролетов в темноту коридора.

Марфин первым добрался до кабинета Веры. Дверь была открыта. Неполная луна раскрасила комнату тусклым желтоватым светом. Вера лежала на полу, широко раскинув руки, и смотрела в потолок пустыми глазами, из которых ушла боль. Одна, в луже черной крови, которая растекалась, пытаясь покрыть пол тонким слоем. Придать пикантности...

(А потом Веру задушили ее же собственными кишками...)

Марфин стал у двери, сжимая и разжимая кулаки. Горман стоял чуть позади, не решаясь заглянуть в комнату.

(А еще ей отрезали губы, и вырвали груди...)

- Я убью ее – прошептал Марфин, переполняясь черной решимостью. Тупая ярость осела багровой пеной, оставив темный осадок спокойствия.

(Убить эту суку, наделать дырок в ее тупой голове...)

Где-то вдали послышался шорох, и тихий переливчатый смех. Марфин повернулся, и схватил Гормана за воротник.

- Эта тварь в подвале, видимо, она нашла распределительный щит. Мы спустимся туда, и разберемся с этой сукой.

- У Чуковски в столе лежит пара карманных фонариков – пролепетал Горман, не пытаясь освободиться от мертвой хватки доктора. Такой поворот дел меньше всего устраивал санитаря. В этот момент, больше всего на свете ему хотелось убраться подальше из проклятой лечебницы.

Марфин ждал ровно столько, сколько хватило нерасторопному Горману, чтобы задыхаясь от страха, и дурных предчувствий, сбегать за фонарями. Он стоял в темноте, уповая на удачу, надеясь, что приближающиеся шаги принадлежат не Анне...

- Вот - Горман протянул фонарик взбешенному шефу.

Они прошли по темному вестибюлю. Доктор Бо отлично слышал неровное дыхание санитаря, и приступ каблучков Марфина. Расправившись с Верой, доктор значительно подрос и прибавил в весе. Он выпил ее боль и страх, забрал ее душу, высосал жизнь. Теперь он был похож на паренка, только закончившего пятый класс, и собирался подрасти еще немного. Благо оставалось еще как минимум две жертвы...

Сжимая в руках скальпель, который он нашел в кабинете Веры, (инструмент оказался весьма кстати!), Бо проследовал за ними, двигаясь легкой, кошачьей походкой.

(Карты розданы, время проверить, у кого джокер в рукаве)

Время пришло. Пора!

Собирать урожай.

Убивать!!!

Они спускались в подвал, чтобы добраться до распределительного щитка, от которого сейчас не было никакого толку, и конечно же, чтобы найти Анну.

Отсчитали ступеньки.

Углубились в сумрак...

(Чаззет, чиззет, чеззет – выходи Анна, не прячься...)

Марфин шел впереди. Горман, трусил за доктором, словно побитая дворянка, в глубине души надеясь, что все обойдется (черта с два!). Бо следовал за ними, словно тень, ничем не выдавая своего присутствия. Скальпель приятно охлаждал руку. Серые глаза щурились в предвкушении действия.

(Боль, будет много боли...)

Марфин даже не услышал, как сдавленно всхлипнул Горман, оседая на пол. Он шел вперед, не оборачиваясь, не отвлекаясь, направленный одной целью.

Найти.

Поймать.

Уничтожить...

(Разорвать, сгноить, сжечь...)

Доктор Бо, не стал церемониться с санитаром. Он просто перерезал ему горло своим скальпелем, и присел рядом с упавшим телом, наблюдая, как вместе с кровью выбегает жизнь.

Он забирал боль и страх, гримаса боли, на лице Гормана, сменилась блаженством и умиротворением. Он забирал жизнь санитаря, чувствуя, как силы переполняют его, наполняя энергией тело почти взрослого мужчины. Он не был беспомощным младенцем, когда убивал Веру, не был нервным подростком, отягощенным гормонами и комплексами, когда справлялся с Горманом, но сейчас Бо был окончательно готов (или почти готов), завершить то, зачем пришел в этот беспокойный мир – довести до конца лечение Анны, заодно прихватив с собой пару-тройку никчемных олухов, которые имели несчастье оказаться у него на пути.

Бо наклонил голову, высматривая в темноте нескладную фигуру Марфина. Тьма не была помехой для доктора Бо – он сам был тьмой. Бо добродушно усмехнулся, поглаживая отросшую бороду, и направился за коллегой.

Марфин шел, спотыкаясь во тьме, пытаясь отыскать сумасшедшую, которая имела наглость разрушить все его планы. Он был зол на нее...

- Хей-хо, Анна, а парень этот я – неожиданно для самого себя, процедил сквозь зубы Марфин. Он зашел уже слишком далеко, и остановился, внезапно почувствовав что-то неладное.

(Горман! – где этот трусливый сукин сын?)

- Анна, где ты? Выходи, я не сделаю тебе ничего плохого...

(Разве, что пристрелю как собаку, - но это, поверь, будет наилучшим выходом для нас обоих)

- Анна?

Он вступил в тусклое пятно света, прошел дальше - в подвал. Здесь уже не нужен был фонарик...

Марфин пожегся. Затхлая атмосфера давила на психику, рождая дискомфорт. Всякий раз, спускаясь в подвал (а в подвале Марфин бывал частенько – были у него тут кой-какие делишки...), доктору приходилось брать себя в руки, - преодолевать приступы клаустрофобии. Но зато этот подвал был идеальным местом для (экспериментов) работы.

Черт! Да куда же подевался санитар?

Не хватало остаться в этом затхлом подземелье наедине с сумасшедшей, которая уже убила двух человек...

Марфин крепче сжал пистолет. Как бы там ни было, он готов встретиться лицом к лицу с этой сукой. Уж он покажет ей, кто главный в этой больнице.

(Продырявлю гнилой череп, наспирую его свинцом, и буду смотреть, как сквозь отверстия от пуль медленно вытекает твой больной мозг, Анна...)

- Давай детка – прошептал Марфин – где ты?

Сзади раздался стон, перешедший в странное всхлипывание. словно кто-то давился, захлебывался собственной кровью. Марфин резко обернулся, пытаясь на слух определить источник звука.

(Похоже, старина Горман спел свою лебединую песню)

Чик-чирик.

Ты труп! Кровь хлещет из распоротого живота ярким фонтаном, наполняя смыслом окружающую действительность. Ты прижимаешь ладони, пытаешься удержать непослушные, липкие внутренности, ощущая невыносимый смрад, который исходит от них, понимая, что твои часы останавливаются где-то на половине двенадцатого ночи.

Марфин покачал головой – ну нет! Не так-то просто запугать доктора Марфина – он тертый калач.

- Анна? Где ты сладенькая...

Тихий шорох раздался сзади, сводя на нет все усилия Марфина, обуздать непослушную пациентку. Что-то бросилось на доктора, - существо, одетое в пропитанный кровью халат.

11.

Анна сидела на полу, прижавшись лбом к холодной поверхности зеркала. Холод усилился, и она задрожала, понимая, что еще немного и ее плоть превратится в кусок замерзшего мяса.

(Человеческого мяса, Анна)

Зеркало покрылось инеем. В белых узорах Анна видела рисунки - застывшие изображения смерти. Вот маленькая, тщедушная фигурка, со скальпелем, зажатым в руке, вот женщина, стоящая на коленях, молящая о пощаде, вот толстый санитар, замахаивающийся дубинкой...

(Они все здесь, в этом зеркале, Анна – хочешь оживить умерших?)

Больше всего она хотела обрести покой...

Сильный порыв ветра наполнил комнату, разметав волосы Анны. Зеркало издало тонкий печальный звон, и покрытая инеем поверхность, заметно всколыхнулась. Зеркало вспыхнуло, обдав ее немислимим жаром, заискрилось. Яркий свет осветил Анну, пытаясь отогреть, приласкать.

(Приди Анна...)

Изображение сгустилось, потемнело. Тонкий полумрак звал в свои объятия, приглашая вступить в манящую тишину, перейти за грань отражений.

Там тепло и сыро, там нет леденящего осознания своей участи, там жизнь...

Настоящая жизнь. Реальность вместо иллюзий. Зазеркалье, вместо отражения твоих страхов, и боли.

Шагни за грань, пройди границу, вернись в свой мир. Шагни из застывшего мира доктора Бо, в яростное кипение страстей. Пора Анна, просыпайся, вставай...

Анна приподнялась и встала во весь рост.

Первый шаг – не бойся Анна, тебе будет больно...

Она шагнула сквозь свет, пронесаясь по яркому туннелю сквозь звезды и галактики, сделав один, ничтожно маленький, и одновременно бесконечно большой шаг, навстречу боли. Свет скрутился в сумрачную спираль, которая увлекла за собой маленькую Анну, возвращая в реальность, в сырое и мрачное подземелье, где творил доктор Бо.

(Хей-Бо!!!)

Навстречу смерти.

В объятия доктора Марфина.

- Давай Анна, давай – доктор Бо приплясывал от нетерпения, нелепо взмахивая руками – давай же, сделай то, для чего ты здесь, для чего мы здесь...

Марфин стрелял из пистолета, выпуская маленькие свинцовые кусочки смерти. Несколько пуль взметнули полы халата, заставив покачнуться Бо. Доктор завизжал от ярости, оседая на пол. Скальпель с тихим звоном упал на земляной пол.

Марфин хохотал, приближаясь к ней. В глазах его плескалось безумие, и желание убивать. Доктор Бо, шевельнулся, и на Анну уставились такие знакомые, блеклые глаза.

(Вперед Анна, не теряйся, досчитай до девятнадцати...)

- Раз!

Боль пронзила тело. Анна тупо смотрела, как из раны в боку вытекает кровь.

- Два! – доктор Бо засмеялся, выплевывая кровавые сгустки...

Марфин остановился, рассматривая Анну, безумным, мутным взглядом.

- Три.

(Жертва замри!)

Анна подобрала скальпель, и бросилась к Марфину, пытаясь остановить его.

- Ну давай же Анна, иди ко мне...

Острая боль пронзила тело. Марфин закричал. Звуки выстрелов перекрыли крик, отразившись эхом от сырых стен. Он посылая пулю за пулей, в заматавшееся перед ним существо, понимая, что опоздал, чувствуя, как острая сталь пронзила его тело, принесла нелегкую и мучительную смерть.

Марфин хрипел, придерживая руками распоротый живот.

(Никаких шансов парень, ты не сможешь удержать свои кишки...)

Боль слилась с отчаянием. Марфин заплакал, призывая смерть, в свидетели – видит бог, он не хотел, никогда не хотел, чтобы его внутренности вываливались наружу, расплываясь под руками слизкими, кровавыми червями.

Захлебываясь слезами и кровью, доктор Марфин упал на пол, чтобы в последний раз увидеть свет, перед погружением в глубокую бездну...

Сумрачный хрип перешел в тихий смех. Бо смеялся, зажимая раны руками.

(Хей-хо, мы сделали их, детка – точно сделали. И я говорю тебе спасибо...)

Анна подобралась к Бо, сжимая в руках оружие смерти.

Бо смотрел на Анну, и в его глазах вспыхивали и тухли огоньки.

- Я умру? – Анна встала на колени, из последних сил, борясь с навалившейся усталостью.

(Нет сука, – ты будешь жить вечно!)

- Не думай об этом, Анна – мягко ответил Бо и протянул руку. Она прижала к щеке окровавленную ладонь доктора и тихо заплакала.

- Не плачь, детка, не надо – у нас осталось еще одно дело. То, что осталось между мной и тобой. То, зачем я пришел в твой мир.

Бо развел руки в стороны. Яркие лучи накрыли тело доктора - белый халат упал на земляной пол, сохранив очертания человеческой фигуры.

(До встречи детка, в твоих кошмарах...)

Анна надела халат (а может быть он был одет на ней, все это время, кто знает, - сон и явь смешались в ее голове, образовав мутную, кровавую пену).

Тихий голос – отголосок прошедших воспоминаний, всколыхнул разум, напоминая о главном:

(Сосчитай до девятнадцати Анна...)

- Четыре...

(Жизнь проходит в этом мире)
- Я не хочу делать этого, голос...
Анна брела, спотыкаясь, оставляя прошлое, приближая настоящее, создавая будущее. Голос в голове рассказывал, напоминал о главном...
- Пять...
(Смерть вернется опять)
- Ты сделаешь это, Анна. Это все для тебя...
Голоса в голове усилились, напевая на разные лады одну и ту же шутиливую песенку, сумрачный блюз полуночи...
- Шесть, семь, восемь...
(В ад тебя забросит)
- Это поможет тебе, раскроет твой разум...
Анна ползла к цели, пытаясь собрать волю, сосредоточиться на главном.
- Девять и шестнадцать...
(Будешь улыбаться)
- Пропуск в вечность чистых воспоминаний...
Огромное кресло с высокой спинкой – порождение чужого кошмара. Анна схватилась за подлокотник, пытаясь подтянуться, забраться на него.
(Тебе будет удобно...)
Анна сидела, откинув голову назад, вцепившись пальцами в деревянные подлокотники. Она смеялась, провожая боль и страх, в ожидании новой боли, нового страха. Все только для тебя Анна, для тебя одной. Все, что останется с тобой, все, что будет твоим, все что ты хочешь...
Сладкие грезы, блаженство бытия.
И песенка, которая сложилась в твоей голове, пугая с самого детства, навеяла мысли о грусти.
Простые незамысловатые слова, раскрывающие суть:

Попрыгунчик, милый крошка
Сложит головы в лукошко
Чаззет, чиззет, чеззет
На куски разрежет

(Все для тебя, Анна – только для тебя...)
Кожаный шлем, два электрода – что может быть проще. Голос одобритительно поддакивал, помогая сосредоточиться на главной цели. Надеть на голову, проверить плотно ли прилегают электроды.
(Ты же не собираешься вставлять в рот кляп, ведь, правда, Анна?)
Она сидела на стуле, устремив взгляд в никуда.
- Чаззет...
Просто дотянуться рукой, нащупать заржавевшую рукоятку. Пропуск в никуда.
- Чиззет...
Обхватить пластмассовый набалдашник рубильника. Крепко сжать пальцы, готовясь принести рассудок в жертву королеве боли.
- Чеззет...
Момент истины, переход в вечность...
Анна что есть силы, дернула за рычаг, освобождая разум. Яркая звезда взорвалась в голове, разрывая оковы сознания, выпуская наружу боль и страх.
И крик, который вырвался из груди:
- Хей-бо!!!
Анна кричала, обмякнув на неудобном стуле, падая в темную пропасть, разрывая тонкую связь между реальностью и кошмаром.
Возвращаясь к истокам...

12.
Анна парила в невесомости, раскинув руки. Яркий свет испарился, оставив ее в звенящей пустоте.
Она открыла глаза. Остатки света проходили сквозь старую, потрескавшуюся кинолентку, свернувшуюся в спираль, образующую полый цилиндр, внутри которого пребывала ее сущность. Потертые, поцарапанные кадры, обрамляющие обнаженный разум, пытающийся рассмотреть историю своего бытия.
Анна прикоснулась к неровной поверхности... Кадр засветился тусклым светом, оживая под прикосновением слабой руки, приблизился, развертываясь в огромный экран. И она увидела свою жизнь, запечатленную в маленьком квадратике, растянутую в пространство.
Вот маленькая девочка, вместе с мамой заплетает косички, стоя перед зеркалом.
Мама напевает песенку, поглаживая Анну по голове.
Чуть дальше они с мамой сидят в темной спальне, затаив дыхание, прислушиваясь к звукам бьющейся посуды...
(Где ты маленькая сучка, выходи к папочке...)
А вот отец, вернувшись с работы, проверяет, была ли она послушной девочкой...
(Ко всем маленьким грязнулям приходит Бо...)
Анна одернула руку. Картинки из прошлого съезжились и вернулись на место, в темное и пыльное забвение, нашедшее укромный закуток в ее памяти...
(Здесь вся твоя жизнь Анна, от начала и до конца...)
Хей-хо, Анна, давай посмотрим, возможно, мы найдем пару интересных моментов из твоей никчемной жизни.
А как считаешь ты?
Висеть в пространстве, вечность или может быть еще дольше, не решаясь прикоснуться, увидеть скрытые, засвеченные, проклятые кадры. Которые ты завесила белесой пленкой, пытаясь отринуть, отвергнуть.
Навсегда.
(Смотри Анна, и не говори, что не видела...)
Она вздрогнула, услышав знакомый голос, который возник, появился из ниоткуда, приглашая встряхнуть, перевернуть мир.
Открыть себя, открыть свое я.
(Найди себя Анна, излечись... Мы пройдем с тобой воротами рая, вернемся на землю, заскочим в ад, и будем путешествовать между звезд, оставляя позади галактики, разбивая созвездия...)

- Хей-хо, Анна, проснись детка, пора раскрыть свои глупые, наивные глаза, и увидеть, наконец, свою суть...
(Давай же, детка, не заставляй меня терять терпение...)
Темный полумрак в ночном коридоре. Ожидание вечности. Тонкий всплеск на грани возможного. И первый поворот в сторону, в глубину. В заперел.
(Ты ведь хочешь окунуться в пучину сладостного страдания, Анна, или нет?)
Петь песню отчаяния, песню боли и страха.
Раствориться во всепоглощающем пламени ужаса.
Звонкого.
Бьющего через край...
Зовущего за собой...
Забирающего разум, не сразу – маленькими частичками, отрывая от живой плоти несуществующие надежды...
Не сомневайся, Анна. Это все для тебя.
Только для тебя.
Навсегда.
- Нет!
(Давай детка, давай...)
- Нееееет!!!
(Кричи, Анна, кричи...)
Это не твой мир. Сдесь и сейчас...
Не твой мир.
Не твой!!!
Давай Анна, не сомневайся, пришло время окунуться в прошлое...
Здесь и сейчас.
Без страха и боли...
Без смятения распростертых объятий ночи...
Без укоризненного молчания темноты, рождающей свет...
Все для тебя, детка...
Здесь и сейчас. Не жди Анна, не жди...
(Хей-хо, Анна, прикоснись к своему прошлому, и, возможно найдешь ответы, на вопросы, которые никогда не задавала, и на которые никогда не хотела знать ответ.)
Неправильные ответы, на неправильные вопросы в твоём больном, перевернувшимся мире. Таком же больном, как и ты.
Сладкие мгновения. Пугающие ощущения...
Прикосновения прошлого...
Здесь и сейчас. Смотри Анна, смотри – и не говори, что не видела. Слушай - и не говори, что не слышала...
Сосчитай до девятнадцати и назад. Начни снова, и сбейся со счета.
Хей-хо, Анна!
Пора...
Анна встрепенулась, переполняясь спокойствием. Она осмотрелась, вбирая, просматривая полупрозрачную поверхность. Вот четкие кадры, чередуются черным и белым, уходя вдаль маленькими слайдами сладких (и не очень) мгновений.
Несколько кадров покрыла белесая пленка. Анна попыталась рассмотреть, что же на них изображено...
Под ее прикосновениями пленка неохотно подалась, вспучилась, словно неведомый злодей поднес спичку, в напрасной попытке сжечь ее судьбу. Мутная поверхность пошла трещинами, осыпаясь мерзкими хлопьями, открывая истину, возвращая в далекое, забытое детство...
(Иди сюда, непослушная девчонка...)
- Не надо, папочка, пожалуйста, я больше не буду...
(Ты грязная, грязная, грязная дрянь...)
- Пожалуйста не надо, папочка, не надо...
(Ты была непослушной девчонкой, и я накажу тебя. Ох как я тебя накажу...)
- Не надо, мне больно. Папа, папочка...
Рождение боли. Крик души, в темноте ушедших дней.
Не бойся Анна, это все для тебя...
Пьяные дрожащие руки, сжимающие окаменевшее, застывшее детское тельце. Похотливое сопение, переходящее в омерзительно плавные, затем все более резкие, животные движения.
(Ко всем грязнулям приходит Бо...)
- И я накажу тебя, маленькая, грязная шлюха...
Многие дни уходят вдаль, оставаясь мелкими брызгами, в твоей памяти.
Сотри ненужную грязь, отряхни прах прошедших мелочей...
Стань чистой...
Войди в свет, отринув тьму.
Войди во тьму, покинув свет.
Взвесь свою душу и найди ее легкой.
Познай жизнь и найди ее суетой сует...
Закончи свой путь, Анна, приди ко мне...
На этот раз все будет так, как должно быть.
Не больше, но и не меньше. Растворись последним вздохом, пройдя отражениями тьмы, в ярких лучах света.
Чезет...

13.
Сладкая дрема сменилась легким ветерком. Анна открыла глаза, и очутилась в такой знакомой ей комнате. Зеркало манило своей пустотой, звало к себе.
Она подошла к нему, рассматривая изображение – невысокий, сутулый доктор, в белом халате, с пятнами кетчупа, или чего-то похожего.
Благообразная борода. Пенсне. Усталый взгляд...
(И я говорю тебе спасибо, ага...)
Анна протянула руку. Новое отражение повторило, пусть с небольшой задержкой, ее движение. Она подошла к зеркалу, прижавшись головой к ледяной поверхности, прижавшись к доктору Бо.
(Идем со мной, Анна...)

Доктор протянул руку, заставляя Анну, протянуть свою...
(Мы же всего лишь изображения в гребаном зеркале, Анна. Все так...)
Анна сжала небольшую, узкую ладонь Бо, и шагнула в зазеркалье, заставив колыхнуться, пойти волнами, ледовое зеркало.
Легкая прохлада коснулась ее тела, когда она проходила в новый мир. Мир без страха. Мир, в котором не будет боли...
(Ну, разве, что, совсем немножко...)
Они шли вдоль сверкающего чистотой коридора, вслушиваясь в крики и стоны, за закрытыми дверями.
(Это не твой мир Анна, не бойся...)
Порядок и чистота, царящие в мире доктора Бо, который шел рядом, ведя ее за руку.
Они прошли мимо бесконечно длинного коридора, оставив позади страхи и сомнения, подошли к огромной двери, со старинной, золоченой ручкой, и торчащей из замочной скважины, головкой ключа.
(Это твой путь Анна, и дальше ты пойдешь одна...)
Бо повернул ключ, отпуская на волю измученную Анну...
(Ты пройдешь своей дорогой, Анна, и теперь-то ты уже не свернешь, туда, где тебя не ждут, или, наоборот, ждут очень сильно, в предвкушении страстных судорог)
Она толкнула дверь, чтобы увидеть свет, зеленые луга, где тигр и ягненок гуляют вместе, где нет злости и страдания, где нет тьмы и вечная радость заполняет душу.
Все для тебя, Анна, я дарю тебе этот мир.
Она оглянулась, чтобы увидеть Бо. Он стоял, и смотрел ей в спину. Усталая улыбка тронула серьезное лицо доктора.
(Все для тебя, милая. Здесь ты здорова, и этот мир прибудет в тебе...)
Анна повернулась, чувствуя, как свежий воздух наполнил грудь, чтобы вырваться счастливым криком, несущим надежду. И свет...
- Хей-хо...
Она рванулась в свет, растворяясь без остатка, оставив позади старую, скрипящую дверь, и доктора, который поднял руку, провожая ее в этот светлый, новый мир...